

Позиции регрессивной аккомодации и гармонии гласных в закарпатском говоре с. Синевир*

0. Под аккомодацией и гармонией гласных в карпатоукраинских говорах понимается сужение гласных *o* и *e* в определенных фонетических позициях (вне зависимости от ударения); эти явления хорошо известны и отражены в диалектологических атласах (АУМ 2, карта 58; ЛАЗО III, карты 310, 389). По данным атласов, они распространены на всей территории собственно закарпатских (не гуцульских) говоров, а также частично захватывают прикарпатские говоры.

Аккомодацию и гармонию гласных следует отличать от явлений сужения *o* и *e* только в безударном положении, имеющих совершенно иное географическое распределение (так, сужение безударного *e* в разных позициях широко распространено по всей территории II тома АУМ, кроме восточнополесских говоров, — АУМ II: карты 32–34, 36, 37, 39; сужение безударного *o* отмечается на территории II тома АУМ во Львовской, Волынской, Житомирской областях — АУМ II: карты 55–56).

АУМ и ЛАЗО несколько различаются в подаче материала при картографировании явлений сужения *o* и *e* независимо от ударения. В АУМ отдельными изоглоссами показаны явления аккомодации и вокальной гармонии. В первом случае речь идет об изменении гласных перед мягкими согласными и *j* (*о́с'ин', нóпiл, о́б'ід, то́б'і, со́б'і, то́ї, двéр'і, о́тéц', тéст', рубéл'*), *w* (*дóвге, голóвка, жóвч, зóввіц'а, дéв'ят'*) и слогом с *y*, *ï* (для *o*) (*хóджу, вóджу, вóду, гóлубка, волí(w), нáшóму*) — при этом выделяются отдельные зоны (в основном за пределами Закарпатья), где происходит только сужение *e* перед мягкими согласными [*о́тéць, тéсть, рубéль, двéрi*] или только сужение *o* перед слогом с *y* [*хóджу, вóджу, на вóду, гóлубка*]. Во втором случае (вокальная гармония) речь идет об изменении гласных в слогах, предшествующих аккомодированному (*нéрстéн', тéпéр', лéгéн'кий; колóдяз', ворóбéц', о́тéц'*); эти изоглоссы имеют разную конфигурацию и практически не выходят за пределы Закарпатской области (за исключением с. Волосянка Сколевского р-на Львовской обл.), не захватывая при этом некоторых северных и северо-восточных закарпатских пунктов. В ЛАЗО явления аккомодации и вокальной гармонии объединены в одной изоглоссе (совпадающей для глас-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Восточнославянский диалектный корпус: праславянское наследие и лингвогеография»).

ных *o* и *e*), и позиция изменения гласных определена следующим образом: «сужение *e* в позиции перед мягкими согласными и как следствие регрессивной ассимиляции к суженному *e*, возникшему перед палатальными» (карта 389); «сужение *o* в позиции перед палатальными согласными, лабиализованными *y*, *ï*, *w* и вследствие регрессивной ассимиляции к суженному *o*, возникшему перед палатализованными и лабиализованными» (карта 310). По данным ЛАЗО, эти явления свойственны всем закарпатским говорам, кроме гуцульских.

Нас интересуют регрессивные позиционные изменения гласных, связанные с вокальной гармонией, т. е. такие иницирующие их факторы, действие которых продолжается в дальнейших предшествующих слогах.

1.1. Впервые явления регрессивной аккомодации и вокальной гармонии были подробно исследованы Олафом Броком в его классической работе «Угро-русское наречие села Убли (Земплинского комитата)» (Брок 1899) — на материале лемковского украинского говора в восточной Словакии (с рефлексом * $\bar{o} > \hat{u}$). О. Брок выделяет следующие позиции изменения гласных: 1) перед палатализованными согласными (в «палатализованных слогах», по терминологии автора); 2) *o* перед звуками «группы *u*»; 3) действие палатализации и звуков «группы *u*» на гласные более отдаленных слогов («ретрогрессивная вокальная гармония»). Вопрос о «палатализирующем действии $\hat{i}$ » (*j*) был оставлен открытым в связи с разнородностью примеров.

1) В «палатализованных слогах» О. Брок отмечает «узкие» (paŋtow) гласные $\hat{e}$, $\hat{o}$, $\hat{u}^1$, ($\hat{i}$ — непоследовательно). Фонетическая природа этих звуков характеризуется следующим образом: «Если попытаться подвести наблюдения над действием палатализации на отдельные гласные под общее правило, чтобы найти живой принцип палатализации в нашем наречии, то само собою разумеется, что результат будет несколько различным, смотря по тому, будем ли сравнивать гласную палат. слога ($\hat{e}$, $\hat{o}$, $\hat{u}$ и т. д.) с соответствующе непалатализованною *неударяемою* (*e*, *o*, *i*, *u* и пр.) или же с соответствующе гласною непалат. *ударяемою* ($\acute{e}$, $\acute{o}$, $\acute{u}$, $\acute{i}$ ² и пр.) В последнем случае можно бы сказать, что движение языка от непалат. гласной к положению палатализованной частью идет и “вперед”, а не только “вверх”. Но по-моему нет сомне-

¹ Гласный $\hat{u}$ в «укающем» говоре Убли является также как рефлекс * $\bar{o}$.

² Запись $\hat{i}$ обозначает у О. Брока ударный гласный средне-верхнего подъема ([i]): «Старое *i* под ударением сильно приближается по звуку к *e*, если не действуют особенные звуковые моменты против такой склонности» (Брок 1899: 10); $\hat{u}$ — ударный рефлекс *u, *o, в отличие от среднего $\bar{u}$ и «закрытого» $\hat{u}$, — звук между *high-back-wide* (*u*) и *middle-back-narrow* (*o*) (ibid.: 15).

ния, что характеристическая черта палатализации в ее действии на гласные, заключается в “суживании”, более или менее полном (ср. *ĩ*), притом всегда с напряжением» (Брок 1899: 42).

2) «Суженный» гласный *ô* появляется, как правило, также перед «звуками *u*» (в том числе *u*) «в том же или следующем слоге» (с некоторыми исключениями — [ibid: 43–44]).

3. «Любопытнейшим явлением» О. Брок называет «ретрогрессивную вокальную гармонию», «в отдельном слоге ли в нескольких, если они принадлежат к одному и тому же такту в фразе», замечая, что твердые правила можно дать только в некоторых случаях. Основная область действия этой гармонии — «гласная *e* и еще более *o*», хотя отмечаются следы ее действия и в гласных группы *i* и группы *u*. Правила для них формулируются следующим образом:

«а) Где в одном слове *e* (под влиянием палатализации) переходит в *ê*, *e* непосредственно предшествующего этому слогу также переходит в *ê*.

б) Где в одном слове или же в одном такте в фразе *o* (под влиянием палатализации или же действием звука *u*) переходит в *ô*, там все *o* переходят в *ô*, если их не разделяет от *ô*, явившегося непосредственно упомянутым образом, слог с другою гласною.

с) Изменение, упомянутое под б), частью является и через слоги с другими гласными» (Брок 1899: 46).

В качестве примеров вокальной гармонии с разными гласными приводятся, во-первых, регулярные случаи типа *ô – ê* (*ôtéç*’, loc. *ôzêr’i*, *vôrôbbél’*, сюда же *dô zéml’i* и др.; *dobrén’kiĭ*, gen. pl. *sónêç*’ — «с звуком средним между *o* и *ô*»; исключение — loc. *kolêšf*’); во-вторых, отдельные примеры вокальной гармонии с участием других гласных: *ô – a – ô* (imp. 2 pl. *pôlahól’te* ‘ждать’; *dô cár’skô[ĭ]i* [в быстрой речи]); *e – i*³ («слабые оттенки закрытости в *e* перед *i*: *šýbenica – šýbenic’i* [‘виселица’], где однако обозначение *e – ê* было бы слишком грубо по данному определению и обыкновенному соотношению этих звуков»); *i – ê* (*hĭbnuti – hĭbêl’*, *pohĭbêl’ – gen. pohĭbeli*); *ô – y* («действие палатализации через слог с гласною не *o*»: *korýto*, *korýto – loc. kôpýt’i*, *kôrýt’i*). Наконец, специально отмечено отсутствие вокальной гармонии в отдельных случаях: *e – ô* (gen. *studénôĭi*); так же с другим узким гласным: *e – û* (3 pl. *bérût’*); *o – y – ô* (*odyšôu* ‘отошел’); отсутствие «действия *u* через *a* на *o*»: *prodáu*.

В примечаниях О. Брок неоднократно указывает, что в разных примерах и в разных позициях (в частности, в зависимости от расстояния от ударного

³ Знак *ĩ* означает у О. Брока звук «*i*» между *i* и *ĩ*, т. е. между high-front-wide и high-front-narrow.

слога) «степень напряжения и суживания» гласных *e* и *o* оказывается «не мало различной».

В 30-е годы XX в. И. Панькевич в классической работе «Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей» привел результаты экспериментального исследования артикуляции «широких» и «узких» *o* и *e* (по его данным, щель между губами при произнесении «узкого» *o* примерно в два раза меньше, чем при произнесении «широкого»), а также уделит внимание географическому распределению сужения *o* и *e* в позициях, указанных О. Брокком, на территории закарпатских говоров и привел примеры произношения отдельных слов из более чем 30 сел от В. Руны и Вел. Бычкова до Бардеева (в нынешней Словакии) (Панькевич 1938: 75–79, 101–105).

1.2. Исследования О. Брока в XX в. были продолжены О. Лешкой в работе «Говор села Убля восточной Словакии» (Leška 1973) и далее в книге «Розповіді з Підкарпаття. Українські говірки східної Словаччини» (Лешка, Шішкова, Мушинка 1998), где фонетический строй говоров описывается в терминах акустических дистинктивных признаков. Явления аккомодации и вокальной гармонии в этих терминах описываются как контраст/гармония гласных по признакам напряженности и лабиализованности. В книге 1998 г. дается краткий очерк фонетики трех говоров — Убли, Звалы и Нижней Яблоньки (соответственно с рефлексами * $\bar{o}$ > u, $\bar{u}$ и $\bar{i}$).

Приведем систему говора Убли, оказавшегося наиболее подробно изученным.

Система вокализма Убли (Лешка, Шішкова, Мушинка 1998: 245):

Табл. 1.

/i/				/i̥/
/i/		/y/		/u/
/e/				/o/
		/a/		

(где * $\bar{e}$, $\bar{e}$ > /i̥/, * $\bar{o}$ > /u̥/).

Под ударением произносятся пониженные аллофоны высоких ненапряженных гласных — [i̥], [y̥], [u̥].

О. Лешка приводит следующие позиции регрессивного изменения гласных:

- 1) перед мягкими согласными;
- 2) перед *j*;
- 3) перед напряженными аллофонами средних гласных;
- 4) перед /v/;
- 5) перед (безударным) /u/;

- б) перед высокими напряженными гласными (фонемами /î/, /û/);
- 7) перед добавочно лабиализованными аллофонами [ɔ̹], [y̹].

Распределение аллофонов гласных в этих позициях, представленное в отдельных таблицах (ibid: 272–274), можно суммировать следующим образом:

Табл. 2. Регрессивное изменение гласных в говоре Убли

	/_C/	/_C'/	/_j/	/C'_j/	/_C'î/	/_C'û/	/_v/	/_Cu/	/'Cu/	[_Cê]	[_Cô]	[_Cɔ̹], [_Cy̹]
/î/							[ỵ̂]					
/i/	[i], [ị]	[ị]			[ị]	[i], [ị]	[i]					
/e/	[e]	[ê]			[ê]	[e]				[ê]	[e]	
/o/	[o]	[ô]	[ộ]/[ộ]	[ộ]	[ộ]	[ộ]	[ɔ̣]	[ɔ̣]	[o]	[ộ]	[ộ]	[ɔ̣]
/u/			[ụ̂]	[ụ̂]/[ụ̂]	[ụ̂]	[ụ̂]	[ỵ], [ỵ̣]	[ỵ]	[u]			[ỵ]
/a/	[a]	[ã]/[ạ̃]										

Позиции вокальной гармонии, вызывающей изменения гласных дальше чем на один слог к началу слова, таким образом, оказываются следующими:

Табл. 3. Вокальная гармония в говоре Убли

	/_C/	/_C'/	/_C'î/	/_C'û/	/_v/	/_Cu/ (безударн.)	[_Cê]	[_Cô]	[_Cɔ̹], [_Cy̹]
/e/	[e]	[ê]	[ê]	[e]			[ê]	[e]	
/o/	[o]	[ô]	[ô]	[ô]	[ɔ̣]	[ɔ̣]	[ộ]	[ộ]	[ɔ̣]
/u/					[ỵ], [ỵ̣]	[ỵ]			[ỵ]

К ним примыкает также контекст /C'_j/, где /u/ может произноситься как [ụ̂] в качестве одного из вариантов (и, следовательно, далее вызывать в предшествующих слогах гармонию по напряженности).

Как нарушение системных принципов выглядит контекст /_Cu/, показывающий зависимость от акцентных условий и «имеющий силу» только в безударном положении; контекст /_v/, не имеющий такого ограничения, тем самым оказывается более сильным фактором лабиализации, чем /_Cu/.

Сравнивая описания О. Брока и О. Лешки, мы находим в последнем, кроме способа описания с помощью акустических дистинктивных признаков и четкого табличного определения позиций, несколько принципиально новых наблюдений. Прежде всего это разделение вокальной гармонии по напряжен-

ности и лабиализованности и соответствующих аллофонов /o/; выделение позиции перед высокими напряженными гласными (**î, û**) (О. Брок не отличал ее от позиции перед мягким согласным, выделяя лишь в общем «палатализованные слоги»). Кроме того, О. Лешка постулирует позицию перед любым аллофоном /v/, в том числе и не в таутосиллабической позиции, т. е. [v], и наблюдает зависимость от ударения в контексте /_Cu/. Однако можно заметить и «утраты» по сравнению с описанием О. Брока: изменение /i/ фиксируется только в слоге, непосредственно предшествующем мягкому согласному или слогу с высоким напряженным гласным, и, таким образом, /i/ исключается из вокальной гармонии; не отмечается изменения *o* в слоге «через *y*» (лос. *kôpýt'î, kôrýt'î* — Брок 1899: 48).

Поскольку в синевирском говоре * $\bar{o} > \bar{u}$, приводим здесь также итоги анализа вокализма говора Звалы.

Система вокализма Звалы (Лешка, Шішкова, Мушинка 1998: 269):

Табл. 4.

/î/				/û/
/i/		/y/		/u/
/e/				/o/
		/a/		

(где * $\bar{e}, \bar{e} > \bar{i}$, * $\bar{o} > \bar{u}$).

Распределение аллофонов гласных в позициях, связанных с регрессивной аккомодацией и вокальной гармонией, можно суммировать в следующих таблицах:

Табл. 5. Регрессивное изменение гласных в говоре Звалы

	(в первом предшествующем слоге)						(в дальнейших предшествующих слогах)			
	/_C/	/_C'/	/_C(̂)î/, /_C(̂)û/	[oC_]	[_Cɸ]	/_v/	[Cê]	[Cô]	[_Cɸv], [_Cɸ]	
/i/	[i]//[i]	[i]//[i]	[i]//[i]							
/e/	[e]	[ê]//[ê] ⁴	[ê]				[ê]	[e]		
/o/	[o]	[ô]//[ô]	[ô-]//[ô]		[ɸ]	[ɸ]	[o]	[ô]	[ɸ]	
/u/	[u]	[ú]//[ú]	[ú]	[ɸ]						

⁴ Аллофоны восстановлены из приведенных примеров ввиду явной опечатки в таблице (Лешка, Шішкова, Мушинка 1998: 272).

Табл. 6. Вокальная гармония в говоре Звалы

	/_C/	/_C'/	/_C(C)î/, /_C(C)ü/	[oC_]	[_Cɨ]	/_v/	[Cê]	[Cô]	[_Cɔv], [_Cɔ]
/e/	[e]	[ê]/[ễ]	[ễ]				[ễ]	[e]	
/o/	[o]		[ỗ]/[ỗ]		[ɔ]	[ɔ]	[o]	[ỗ]	[ɔ]
/u/	[u]			[ɥ]					

2.0. В настоящей работе рассматриваются фонетические позиции регрессивного сужения и вокальной гармонии гласных *o*, *e* и *ɪ* (праслав. *i) после твердых согласных на материале говора с. Синевир Межгорского р-на Закарпатской обл., записанном на магнитофон в 1993–2009 гг. во время экспедиций Института славяноведения под рук. С. Л. Николаева.

Говор с. Синевир во время Карпатских экспедиций Института славяноведения был выбран для углубленного изучения и составления диалектного словаря (см. [Толстая 2002]). Практическая работа по составлению словаря и расшифровке текстов привела к необходимости более аккуратно разобраться в факторах, влияющих на сужение гласных⁵.

Синевирский говор по данным АУМ не попадает в основную закарпатскую зону, для которой явления аккомодации и вокальной гармонии характерны в полной мере. В ближайших к нему пунктах АУМ — с. Колочава и райцентр Межгорье — зафиксировано отсутствие вокальной гармонии *o* (т. е. отсутствие произношения типа *отѣц*’, *кълôд*’аз’, *ворôбѣц*’), а в Межгорье также и отсутствие аккомодации *o*⁶ (представлена только аккомодация *e* перед мягким согласным — *отец*’, *тѣст*’, *рубѣл*’, *двѣр*’и). Что касается изоглоссы повышения *o* и *e* в безударных слогах, не связанного с аккомодацией, то в этом районе АУМ отмечает повышение *e* и не отмечает повышения *o*. Наши материалы показывают, что повышение как *e*, так и *o* и *ɪ* (из праслав. *i) в безударной позиции встречается, как правило, в речи более молодых носителей говора.

Как отмечал О. Брок и как следует из фонетических описаний О. Лешки, в разных позициях и в разном фонетическом окружении можно услышать много оттенков «суженных» звуков на месте гласных *o*, *e* и *ɪ*. Задача «дискретизации

⁵ Предварительные итоги были подведены в заметке С. Л. Николаева (Николаев 2006), содержащей краткое описание синевирского вокализма, где были сделаны важные выводы, в частности, о наличии двух фонетических ступеней повышения гласных. Однако, как это и отмечалось в статье, это краткое описание не охватывает всего материала и представляется неполным.

⁶ Данные АУМ подтвердил В. В. Цимбота: по его словам, в Межгорье говорят *l[ɔ]mí*, в отличие от синевирского *l[ɔ]mí*.

континуума» этих звуков успешно решалась О. Лешкой с помощью акустических дистинктивных признаков. Однако при таком решении, с одной стороны, приходится иметь дело с рядом аллофонов одной фонемы, различие которых часто трудноуловимо на слух; с другой стороны, реальное произношение гласных в конкретных позициях в разных или даже в одной словоформе часто варьирует у разных или даже у одного носителя, зависит, кроме консонантного окружения, от темпа речи, фразовой интонации и т. п. Полное описание всех аллофонов гласных потребовало бы учета всех этих факторов и, тем самым, фактически представляло бы собой полное описание звукового строя говора, что в данном случае не могло входить в нашу задачу. Для практических целей записи речи нам было важно выделить «аллофонемы» (см. ниже в разделе 2.2) и выявить позиции их различения; поэтому мы стремились ограничиться анализом фонетических минимальных пар, по возможности внутри одной словоизменительной и/или словообразовательной парадигмы (например, *seredína* – loc. *na seredín'i*; *siníc'a* – gen. *siníc'i* – dim. *siníča* ‘птенец синицы’), и ударного вокализма⁷. Для экспериментально-фонетического исследования использовались программы Speech Analyzer и Phonology Assistant версии 3.0.1.

Материалом для настоящей работы служили записанные на магнитофон ответы на вопросы Фонетической программы⁸, формы из текстов, а также ответы на специальный вопросник (более 3000 словоформ), записанные у достаточно молодого (1964 г. р.) носителя говора — Василия Васильевича Цимбота (со средним образованием, по профессии — строитель). Материал, таким образом, отражает главным образом младшую норму говора. Как правило, словоформы записаны в изолированной фразовой позиции. Во многих случаях было полезно обращение к языковому сознанию носителя говора⁹; вопросы ставились примерно так: «Если бы у нас были все недостающие буквы, то какую букву нужно было бы написать в этом месте?». Для иллюстраций используются также формы из Фонетической программы, записанной А. В. Тер-Аванесовой у Анны Михайловны Бонкáло, 1932 г. р., и отдельные формы, записанные у А. С. Цимбота, Олены Алексеевны Иванíна (1924 г. р.)

⁷ Тем самым повышение гласных в безударном положении, не связанное с аккомодацией и вокальной гармонией, как правило, не мешает анализу.

⁸ Фонетическая программа опубликована в (Бушкевич, Николаев, Толстая 1994: 79–83).

⁹ В. В. Цимбота — сын Анны Степановны Цимбота (1940 г. р.), главного информанта для словаря синеви́рского говора, лингвистически очень талантливой. Как оказалось, сын во многом унаследовал от матери внимательное чувство языка. Благодарю его за терпеливую помощь, без которой многие детали оказались бы упущены.

и Василины Михайловны Мещанин (1928 г. р.). Весь исследованный материал был «нарезан» на звуковые файлы отдельных словоформ и обработан с помощью программы Speech Analyzer.

При обсуждении фонетического устройства аллофонов гласных используются знаки фонетической транскрипции, принятые в (Дыбо, Замятина, Николаев 1993). Приводим соответствующую таблицу (ibid.: 330).

Табл. 7. Знаки фонетической транскрипции

	ряд	передний		передне-средний		средний		средне-задний		задний	
		не-огуб.	огуб.	не-огуб.	огуб.	не-огуб.	огуб.	не-огуб.	огуб.	не-огуб.	огуб.
верхний	1	i (i̇)	ü	i	ü	ы	ѣ	ы	ѣ	ы	у
	2	ɪ	ÿ (i̇)	y	ÿ	ý	ѣ̇	Y	ѣ̇ (ѣ̇)	œ	u (u̇)
средний	1	e	ø (ø)	ə (ɛ̄)	ô	э (э̇)	ё	ɤ	ω (ø)	ʌ	o
	2	e	ø (ø)	ə (ɛ̄)	ô	э (э̇)	ё	ɤ	ω (ø)	ʌ	o
	3	ɛ (ɛ)	ø̇ (ø̇)	ə̇ (ɛ̇)	ô̇	э̇ (э̇)	ё̇	ɤ̇	ω̇ (ø̇)	ʌ̇	ȯ (ȯ)
нижний	1	æ	æ̇ (œ)								
	2	ä	ä̇	â	â̇	a	â	á	â̇	a	â̇

2.1. В своем принципиальном устройстве синевирская система аккомодации и гармонии гласных близка к лемковским системам, описанным О. Бромом и О. Лешкой.

Как и в лемковских говорах, существует два вида факторов, запускающих механизм сужения предшествующих гласных; их можно условно называть «палатальными» и «лабиальными». К «палатальным» относятся гласный /i/ (из праслав. *ě, *ē); любой мягкий согласный, а также консонантная группа, включающая мягкий согласный; гласный /ü/ (из праслав. *ō). Эти факторы влияют на все рассматриваемые гласные. К ним примыкает *j*, позиция перед которым оказывается особой (см. ниже, 3.1.1; ср. замечания о нечеткости и двойственности картины перед *j* в говоре Убли у О. Брока [1899: 42–43] и О. Лешки [1973: 48]). «Лабиальные» факторы — гласный /u/ и таутосиллабический *w*; в сферу их действия входит только гласный *o*.

Повышенные аллофоны гласных, вызванные действием «палатальных» факторов, как и в лемковских говорах, как правило, являются напряженными.

2.2. Система синевирского вокализма (по [Николаев 2006]):

Табл. 8.

Суперверх.	<i>i</i>				
Верх.	<i>ī, (ɨ)</i>	<i>(i)</i>			<i>u</i>
Верх.-сред.	<i>ɪ</i>				<i>oo</i>
Ср.-верх.	<i>(e)</i>				<i>(o)</i>
Сред.	<i>e (e)</i>				<i>o (o)</i>
Ср.-ниж.	<i>(ε)</i>				<i>(ɔ)</i>
Ниж.	<i>(ä)</i>	<i>(ä)</i>	<i>a</i>		

В таблице в скобках показаны артикуляционные позиции наиболее частотных аллофонов.

Фонемы /i/ и /ü/ всегда реализуются как напряженные [i̯], [ü̯].

Выделение двух фонетических степеней сужения гласных является условным. Реально, как отмечал еще О. Брок, мы имеем дело с многими оттенками «закрытых» гласных в разных позициях в зависимости от качества окружающих согласных, удаленности от «фактора сужения» и положения по отношению к ударению.

В кратком описании (Николаев 2006) было выделено два ряда повышенных аллофонов для средних гласных *o* и *e* и один повышенный аллофон для «полуверхнего» *ɪ* (праслав. *i). Детальный анализ материала показал, что и для *ɪ* также приходится выделять две степени повышения, условно *ɪ* и *ɪ*¹⁰ (считая в данном случае критерием выделения особого аллофона наличие фонетических минимальных пар при идентичном консонантном окружении: ср. *vǐlɨc'a* ‘челюсть’ – loc. *vǐlɨcɪ* – pl. *vǐlɨc'i*; *serdǐtooj* – dat. fem. *serdǐtūj* – pl. *serdǐt'i*).

Кроме того, в рамках аллофона *o* вслед за О. Лешкой можно разделять «палатализованный» и «лабиализованный» варианты — *o* ~ *o̥*: ср. *nóša* – pl. *nǒši* – acc. *nǒšu*, ins. *γódom* – gen. *γǒdu* – gen. pl. *γódu*. В рамках «слабозакрытого» *o* это различие трудноуловимо (см. подробнее ниже).

В нейтральной позиции под ударением отмечаются средне-нижние («открытые») аллофоны гласных /o/, /e/ — [ɔ] и [ε], в разных позициях аккомодации и вокальной гармонии — повышенные аллофоны среднего (средневерхнего) и верхнесреднего подъема — [o̥], [e̥] и [o̥], [e̥] ([o̥]), [e̥]. Фонема /ɪ/ в нейтральной позиции реализуется в виде «полуверхних» аллофонов [ɪ] и [y] (в зави-

¹⁰ Т. е. добавляется «средний» аллофон. Выше в табл. 8 (из [Николаев 2006]) верхнему аллофону *ɪ* соответствует обозначение *ɪ*.

симости от консонантного окружения)¹¹, в позициях аккомодации и вокальной гармонии представлены верхнесредний аллофон [ɪ̞] и верхний [ɪ̟]. В безударном положении нейтральные аллофоны переднего ряда у многих информантов сдвигаются несколько назад и вверх, заднего ряда — вверх и несколько вперед (ср. разницу по подъему между ударными и безударными верхними ненапряженными гласными в говоре Убли — [Лешка, Шішкова, Мушинка 1998: 245]). В соседстве с [ɾ], [ɾʰ] отмечаются более открытые аллофоны фонем /ɪ/ и /e/. В ауслауте, как правило, произносятся закрытые аллофоны /o/ и /e/.

В отчетливом произношении нейтральные аллофоны гласных /e/, /o/, /ɪ/ представляют собой открытые ненапряженные гласные; аллофоны фонемы /e/ к концу обычно раскрываются до [ɛ], [æ], фонемы /o/ — до [ɔ], [ʌ], [ɔ̞], фонемы /ɪ/ — до [e̞], [ə], [ə̞]: *b[ɛ]r[ɛ̞]za*¹², *t[ɛ̞]šča*, *xroob[ɛ̞]t*, *d[ɛ̞]nc[e̞]*; *p[ɔ̞]le*, *n[ɔ̞]ša*, *[ɔ̞]čr*; *š[ɛ̞]la*, *n[ɛ̞]va*, *n[ɛ̞]tka*, *kl[ɛ̞]n*, *d[ɛ̞]v[y]t s'a* (А. М. Бонкало; ср. рис. 1, 3, 6, 7, 21).

«Слабозакрытые» аллофоны *ɪ̞*, *e̞*, *o̞* — более узкие звуки, не раскрывающиеся или сужающиеся к концу звучания и на слух не отличающиеся по напряженности от *ɪ*, *e*, *o*. Они надежно выявляются лишь в составе фонетических минимальных пар и не воспринимаются носителями как звуки, отличные от нейтральных аллофонов соответствующих гласных (см. ниже, 2.2); в ряде позиций они свободно варьируются с нейтральными аллофонами.

«Высокие» аллофоны (*e̞*, *o̞*, *ɪ̞*), напротив, осознаются носителями как звуки, отличные от нейтральных аллофонов; они являются напряженными и закрытыми и отличаются от нейтральных аллофонов более высокой степенью подъема, хорошо заметной на слух.

Аллофон *e̞* у большинства информантов среднего и младшего поколения чаще всего произносится близко к [ɪ̞], нейтрализуясь по подъему, таким образом, с нейтральным аллофоном фонемы /ɪ/ из *i: у А. М. Бонкало *č[ɪ̞]l'ustr*, *d[ɪ̞]n'*, *mlin[ɪ̞]c'* 'блин', *v[ɪ̞]čür*, pl. *m[ɪ̞]ži* и т. д. (знаком $\checkmark$ обозначена здесь напряженность гласного, не связанная с изменением подъема), но возможно и произнесение его как [e̞]: *odov[ɛ̞]c'* 'вдовец' (см. рис. 2, 15). Аллофоны /e/ в

¹¹ После губных, шипящих и свистящих аффрикат и спирантов, мягких согласных и *j* перед твердыми и в конце слова под ударением обычно произносится передний аллофон [ɪ̞]; после твердых зубных смычных, свистящих аффрикат и спирантов и твердых сонантов *n*, *r*, *l* обычно произносится передне-средний аллофон [y̞]. Ср. аналогичное распределение, отмеченное С. Л. Николаевым в говоре с. Торунь (Николаев, Толстая 2001: 7–8).

¹² Знаком ударения отмечается фаза гласного с наибольшей интенсивностью.

этой позиции, как правило, все же отличаются от нейтральных аллофонов /ɪ/ (см. ниже) напряженностью и закрытостью.

У В. В. Цимбота отчетливо противопоставляются аллофоны *ɛ* перед твердыми дентальными (возможные только в позиции перед /ü/ следующего слога) аллофонам *ɛ* в других позициях: ср. *stud[ɛ̃]nooj*, dat. fem. *stud[ɛ̃]nūj* – pl. *stud[ɪ̃]n'i*; *zēl[ɛ̃]nooj*, dat. fem. *zēl[ɛ̃]nūj* – pl. *zēl[ɪ̃]n'i*, что хорошо заметно на слух и воспринимается как противопоставление по подъему. К сожалению, в дикторских записях от других информантов примеры произношения *ɛ* не перед мягкими имеются только перед шипящими.

Аллофон *ɛ* отличается от нейтрального аллофона /e/ незначительной степенью подъема: у В. В. Цимбота *tr[ɛ̃]ta* ‘третья’ (*e*) – gen. *tr[ɛ̃]tqi* (*e*), pl. *tr[ɪ̃]t'i* (*e*); *t[ɛ̃]rnɪc'a* (*e*) ‘инструмент для обработки льна’ – loc. *t[ɛ̃]rnɪcɪ* (*e*) – gen. *t[ɛ̃]rnɪc'i* (*e*). У А. С. Цимбота: *t[e]lɪc'a* (*e*) – *t[ɛ]lɪla* (*e*) (см. рис. 5, 6).

«Палатализованный» аллофон *ɔ̃* под ударением является напряженным звуком средневерхнего подъема средне-заднего (реже заднего) ряда: в произношении А. М. Бонкало *d[ɔ̃]l'a/d[ɔ̃]l'a*, *p[ɔ̃]t'a* ‘птица’, *k[ɔ̃]l[ɔ̃]d'as'*, pl. *k[ɔ̃]n'i*, *n[ɔ̃]šɪ*, loc. *šp[ɔ̃]r'i* ‘кухонная печь’, gen. pl. *ɣ[ɔ̃]du* (см. рис. 8, 10, 11, 13). «Лабиялизованный» аллофон *ɔ̂* у А. М. Бонкало в сопоставимых контекстах — сравнительно более задний и более ровный гласный того же подъема: асс. *n[ɔ̂]šɪ*, gen. *ɣ[ɔ̂]du*, *d[ɔ̂]wɔoj* (см. рис. 9, 12, 14), но ср. *kr[ɔ̂]w*, *naɣ[ɔ̂]l[ɔ̂]wnɪk* ‘часть упряжи’, асс. *v[ɔ̂]du*. Некоторое смещение *ɔ̂* в сторону средне-заднего ряда обычно для всех информантов — ср. у О. А. Иванина: *b[ɔ̂]čka*, loc. *b[ɔ̂]cc'i* – асс. *b[ɔ̂]čku*, *st[ɔ̂]wp*, *st[ɔ̂]wpók*; у В. М. Мещанин: асс. *v[ɔ̂]du*; у В. В. Цимбота: 3 pl. *k[ɔ̂]s'at* – асс. *k[ɔ̂]su* и т. п. «Лабиялизованный» аллофон, в отличие от лемковских систем, описанных О. Лешкой, также является напряженным (хотя и в меньшей степени, чем «палатализованный»). Это дает основание не разделять «палатализованный» и «лабиализованнный» варианты в дальнейшем описании.

В безударном положении аллофоны *ɔ̃*, *ɔ̂* обычно отличаются более высоким подъемом, чем под ударением, и звучат как [ʊ], [ʊ̃] и даже могут по подъему приближаться к [u]: *kóža*, gen. *kóži* – pl. *k[ʊ̃]ži*, *d'ivočka* – асс. *d'iv[ʊ̃]čku*, *žólut'* – *ž[ʊ̃]lúdok* и т. п.

Примеры произношения аллофона *ɔ*: *posl[ɔ̃]vɪc'a* (*ɔ*) – loc. *posl[ɔ̃]vɪcɪ* (*ɔ*) – loc. *sl[ɔ̃]v'i* (*ɔ*); ins. *b[ɔ̃]čkɔw* (*ɔ*) – асс. *b[ʊ̃]čku* (*ɔ̂*), loc. *b[ɔ̃]cc'i* (*ɔ*) – nom. *b[ɔ̃]čka* (*ɔ*) (В. В. Цимбота); *v[ɔ̃]r[ɔ̃]béc'*, *[ɔ̃]od[ɔ̃]véc'* ‘вдовец’ (А. М. Бонкало) (см. рис. 15).

«Палатализованный» аллофон *ɪ̃* по подъему приближается к [i] (/i/), однако не достигает напряженности [ĩ] и является более широким: pl. *kɔs[ɪ̃]c'[ĩ]*

‘цветы’, $\text{ʃl}[\text{i}^{\text{̣}}]\text{j}[\text{i}^{\text{̣}}]$ ‘часть упряжи’, $\text{vɛl}[\text{y}^{\text{̣}}]\text{k}[\text{i}^{\text{̣}}]$ (А. М. Бонкало), лос. $\text{vɛpr}[\text{i}^{\text{̣}}]\text{n}[\text{i}^{\text{̣}}]$ ‘крыжовник’, ген. $\text{kúr}[\text{i}^{\text{̣}}]\text{c}[\text{i}^{\text{̣}}]$ (О. А. Иванина), ген. $\text{tɛl}[\text{i}^{\text{̣}}]\text{c}[\text{i}^{\text{̣}}]$, $\text{kɔp}[\text{i}^{\text{̣}}]\text{c}[\text{i}^{\text{̣}}]$ ‘стог’, лос. $\text{kɔl}[\text{i}^{\text{̣}}]\text{b}[\text{i}^{\text{̣}}]$ (В. В. Цимбота) и т. п. «Слабозакрытый» аллофон ɪ по сравнению с нейтральным аллофоном ɪ — более узкий звук; в произношении В. В. Цимбота в некоторых позициях он может свободно варьировать с ɪ ($\text{v}^{\text{̣}}\text{l}^{\text{̣}}\text{ɪ}\text{c}^{\text{̣}}\text{a}/\text{v}^{\text{̣}}\text{l}^{\text{̣}}\text{ɪ}\text{c}^{\text{̣}}\text{a}$ ‘челюсть’, dat. $\text{s}^{\text{̣}}\text{r}^{\text{̣}}\text{ɔt}^{\text{̣}}\text{i}/\text{s}^{\text{̣}}\text{r}^{\text{̣}}\text{ɔt}^{\text{̣}}\text{i}$ и т. п.).

Таким образом, существенным признаком «высоких» аллофонов $\text{o}/\text{e}/\text{ɪ}$ и $\text{ɔ}/\text{ɛ}/\text{ɪ}$ оказывается напряженность, отчетливо заметная на слух у «высоких» аллофонов ɔ , ɛ , ɪ . У «слабозакрытых» ɔ , ɛ , ɪ на слух напряженность неразличима. Позиционное распределение аллофонов обсуждаемых гласных можно суммировать в следующей таблице:

Табл. 0.

	нейтральная позиция	позиция сужения	позиция сужения + напряженности
/ɪ/	ɪ	$\text{ɪ}^{\text{̣}}$	$\text{ɪ}^{\text{̣}}$
/e/	e	ɛ	$\text{ɛ}^{\text{̣}}$
/o/	o	ɔ	$\text{ɔ}^{\text{̣}}$ ($\text{ɔ}^{\text{̣}}$)

2.2. Высокие аллофоны ɪ , ɛ , ɔ по сравнению с нейтральными аллофонами тех же гласных осознаются В. В. Цимбота как другие «буквы» по сравнению с u , e , o . Ниже его «буквенное восприятие» приводится в фигурных скобках.

Аллофон ɪ воспринимается как «буква» $\{\text{i}\}$; при этом не возникает никаких проблем в записи ɪ после непарных по твердости–мягкости согласных (шипящих и губных), а после остальных согласных приходится делать оговорку, напр. $\text{jɛd}^{\text{̣}}\text{n}^{\text{̣}}\text{i}^{\text{̣}}\text{c}^{\text{̣}}\text{a}$ (‘единственная дочь’) {-ница} – ген. $\text{jɛd}^{\text{̣}}\text{n}^{\text{̣}}\text{i}^{\text{̣}}\text{c}^{\text{̣}}\text{i}$ {-ніці}: «не $[\text{n}^{\text{̣}}\text{i}^{\text{̣}}]$ — писать будешь $[\text{n}^{\text{̣}}\text{i}^{\text{̣}}]$ (ni), а $[\text{n}]$, твердо так, $[\text{ni}]$ ». Аллофон ɛ всегда воспринимается как «буква» $\{\text{i}\}$. Для аллофона ɔ нет готовой буквы (по словам В. В. Цимбота, он записывал бы этот звук как «o с двумя точками»), и он описывается как «ненастоящее», «неправильное», «грубое» ($\text{yri}^{\text{̣}}\text{b}^{\text{̣}}\text{o}^{\text{̣}}\text{j}$ ‘большой, крупный’), «твердое» o — в противоположность «настоящему», «файному» ($\text{f}^{\text{̣}}\text{i}^{\text{̣}}\text{j}^{\text{̣}}\text{n}^{\text{̣}}\text{o}^{\text{̣}}\text{j}$ ‘красивый, хороший’), «голосному» ($\text{y}^{\text{̣}}\text{o}^{\text{̣}}\text{l}^{\text{̣}}\text{o}^{\text{̣}}\text{s}^{\text{̣}}\text{n}^{\text{̣}}\text{o}^{\text{̣}}\text{j}$ ‘громкий’) o . Ниже эта «буква» условно обозначается как $\{\text{o}\}$.

Аллофоны ɪ , ɛ , ɔ , как правило, не воспринимаются как «буквы», отличные от u , e , o ¹³.

¹³ Интересно, что фонема /o/ воспринимается В. В. Цимбота как «пропуск буквы», например, в окончании прилагательного м. р. $\text{sin}^{\text{̣}}\text{o}^{\text{̣}}\text{j}$ ‘синий’: «просто там как будто n и дальше сразу i ». Русская буква «ы» не кажется ему подходящей к данному случаю.

3.0. Действие механизма аккомодации и вокальной гармонии в общем случае происходит в пределах фонетического слова, включая предлоги, но исключая последующие энклитики¹⁴. Ср.:

do méne – dɔ d'íwkoɔ, dɔ n'óyo, dɔ néji; po zeml'í – pɔ vɔd'í; po sínɔmu ('по синему') – *pɔ súdovɪ* ('после суда') и т. д.;

ščɔs' ('что-то') – *ščó s'a kazít* ('то, что ломается'); gen. *žábl'ačɔji* ('лягушачьей') – *ščó ji bjút* ('что ее бьют') и т. д.

Примечание. «Постфикс неопределенности» *-s'* имеет двойственный статус: он влияет на гласные односложных форм и не влияет на гласные двусложных: ср. *ščɔs'*, *tkɔs'* ('кто-то'), *dɛs'* ('где-то') – *čoyós'*, *koyós'*. «Вставной» гласный в этом постфиксе является закрытым: *ɪš čímɔs'* ('с чем-то').

Однако правила поведения предлогов и приставок в этом отношении не являются жесткими, ср. ниже в разделе 3.3.

3.1.0. Распределение аллофонов в непосредственно предшествующем слого показано в таблице 9.

Табл. 9.

	<u>C</u> ^(o) <u>i</u>	<u>(C)</u> C'	<u>C</u> <u>ü</u>	<u>C</u> <u>u</u>	<u>w</u>
<i>ɪ</i>	<i>ɪ̣</i>	<i>ɪ̣</i>	<i>ɪ̣</i>		
<i>e</i>	<i>ɛ̣</i>	<i>ɛ̣</i>	<i>ɛ̣ (/e)</i>		
<i>o</i>	<i>ɔ̣</i>	<i>ɔ̣</i>	<i>ɔ̣</i>	<i>ɔ̣</i>	<i>ɔ̣</i>

Ниже материал, записанный от В. В. Цимбота, дается без пометы; формы, записанные у других информантов, специально оговариваются.

Фонема /ɪ/. Примеры: *telítɪ s'a – tel'íc'a* – gen. sg., nom. pl. *tel'íc'í; pšɛn'íc'a* – loc. *pšɛn'ícɪ* – gen. *pšɛn'íc'í; list* – loc. *na l'ís'c'í* ('на листе бумаги'), coll. *l'ís'c'a* ('листья, листа') – gen. pl. *l'ístü; díkooj* – pl. *d'ík'í* – dat. sg. fem. *d'íküj; Pr'ísliup* (топоним) – gen. *Pr'íslopa; sínooj* ('синий') – dat. fem. *s'ínüj; č'ístooj* – pl. *č'ís'c'í* – dat.–loc. sg. fem. *č'ístüj; ɣn'ítɪ – ɣn'íl'at* ('гниль') – *ɣn'ílüs'c'* ('гниль, гниль')¹⁵; *bl'ískawka* ('молния') – *bl'ís'kooj* – pl. *bl'ís'k'í* {-бли-}.

Исключение: *dɔwž'íná* ('длина') – loc. *dɔwž'ín'í* {-ини-}.

Высокая аллофонема *ɪ̣* после *r* в нескольких лексемах заменяется на [i̠], т. е. фонема /ɪ/ переходит в /i/, с соответствующим смягчением предшеству-

¹⁴ Т. е. не оказывают воздействия на предшествующие гласные в тактовой группе энклитики *n'q, t'a, s'a, ji, tu, jüj*.

¹⁵ Но gen. *ɣn'íl'í* у В. В. Цимбота перед «новым» окончанием *-i* (вместо *-ɪ < *ɪ*), вопреки общему правилу.

ющего согласного: pl. t. *skr'ipic'i* // *skr'ipic'i*; *pr'ir'is/pr'il'is* (gen. *-za*, 'черемша'); *pr'ipečok* в старшей норме (результат выравнивания приставки по косвенным формам — gen. **pr'ipička* и т. д.) // *pr'ipičok* (младш.) — ср. *priselok* той же словообразовательной структуры с выровненной основой (gen. *priselka* и т. д.) у всех информантов. Ср. также adv. *pr'it'ma* ('круто в гору или под гору') неясной этимологии.

Ввиду отсутствия в синевирском говоре противопоставления твердых и мягких губных трудно определить фонемный состав ряда словоформ с ожидаемым *ɫ* после губных¹⁶. Кажется надежной замена /ɫ/ на /i/ в этой позиции в формах инфинитивных основ глаголов **viděti* и **visěti*: *vid'iti*, *vis'iti*¹⁷ (у всех информантов), первая из которых, по мнению С. Л. Николаева, является контаминацией с глагольным корнем **věd-* 'ведать', а переосмыслению второй формы могло способствовать смешение с близким по значению глагольным корнем **věs-* 'вешать'¹⁸. У В. В. Цимбота наблюдается варьирование [ɫ] и [i] после губных: *po'vitoj* – pl. *po'vit'i/po'vit'i*, *vilka* – loc. *vil'c'i*, *pr'ibitoj* – pl. *pr'ibit'i*, *kor'ic'a* ('стог') – gen. *kor'ic'i/kor'ic'i*.

Фонема /e/. Примеры: *de* ('где') – *de's* ('где-то'); *serce* – *na serc'ovr*; *nebo* – *na ne'bi*; *meža*, acc. *mežu* – pl. *meži*; *tel't s'a* – *tel'at s'a* – *tel'in'a* ('отел'); *večür* – gen. *večera*; *ber'ü* ('сельский голова') – gen. *ber'ova*; *studenoj* – pl. *studěn'i*, dat. fem. *studěniij* – 1 sg. *zastuděn'u* ('оказать леденящее воздействие'); *klěn'* ('клен') – loc. *klěn'ovr/klěni*, dim. *klěnik* – pl. *klěn'i*, gen. pl. *klěn'ü*; *klěj*, gen. *klėja*; *veselój* – dat. fem. *vesělúj* {весе-}; *vepr'ina* ('крыжовник') – loc. *vepr'ın'i* (О. А. Иванина) и т. д.

Фонема /o/. Примеры: *vül*, instr. pl. *vol'oo/vol'amr* – num. *vol'ü*; *vole* ('зоб') – *vol'a* ('воля') – gen. *vol'i* ('воли'); *vo'wk*, *vo'wna* ('шерсть'); *nüs*, gen. *no'sa* – loc. *na no's'i*, gen. pl. *no'sü*; *no'sa* – gen. *no'si*, acc. *no'su*; *nüş*, dim. *no'žik* – pl. *no'ži/no'ži* – gen. pl. *no'žü*; *kóža* – gen. *kóži* – acc. *kóžu* – instr. *kóžow*; *bóčka* – acc. *bóčku* – instr. *bóčkow* – loc. *u bócc'i*; *no'siti* – 1 sg. *no'su*, 3 sg. *no'sit*, 3 pl. *no's'at*.

3.1.1. Позиция перед j. По наблюдению С. Л. Николаева, в традиционном синевирском говоре представлено чередование /j/ ~ /ø/ в позиции перед /i/, /ɫ/, /e/: ср. *ísti*, *po'ísti*, а также адъективное окончание gen. sg. fem. *-oi* (*c'il'oi*, *vel'ikoi* и т. д.); адъективное окончание nom. sg. fem. *-oe* (*c'il'oe*, *m'oe* и т. д.); ins. pl. *móimr*, 3 sg. *sto'it* и т. п. (ср. рис. 16–17). При этом /ø/ в этой позиции

¹⁶ Такая же картина наблюдается и после других непарных согласных, ср. *č'istoj* – pl. *č'is'c'ij*, *moč'ilo* ('яма для вымачивания льна, конопли') – loc. *moč'ij'i* {чи-}.

¹⁷ Praes. *vidit*, *visit* и т. д.

¹⁸ О. Брок отмечал формы *v'id'iti*, *u'id'liste/vid'liste*, *v'is'iti-vis'iti* в говоре Убли, где противопоставление губных по твердости–мягкости сохранено (Брок 1899: 40–41).

может реализоваться как нуль звука или глайд ([ɫ], [ɣ], [ə] и т. д.); в младшей норме говора возможно также восстановление фонетического [j]¹⁹.

В сочетании /tj/ у В. В. Цимбота отмечается *t/ɫ: prístup – prǐjma* ‘примак’; лос. *putí – tíjka/tǐjka* ‘тетрадь’, лос. *tǐjc ‘i*; *šlǐja*, pl. *šlǐi*; у О. А. Иванина – *ɛ: prítmorozok* (‘заморозок’) – *préjma* (ср. верховинский говор с. Торунь Межгорского р-на, где *l* не встречается перед *j*, заменяясь на *ɛ* [ɛ] — Николаев, Толстая 2001: 8).

В слове *čijь ‘чей’ {чий} все информанты произносят [i]: *čij*, *čija*, *čije/čijoe*, pl. *čiji*.

В редком сочетании /ej/ у В. В. Цимбота представлено *ɛ: peréjšloo* ‘устаревший, просроченный’ (*/peréjšloo*, см. 3.3); *fějsa* (‘топор’), лос. *fějs ‘i*; *fēr-yějst* (‘часть упряжи’).

Замечание. Слово *děwjat* ‘показывает’, что контекст *_wj* по воздействию на *e* равен контексту *_j*. В (АУМ II: карта 58) на основании записей этого слова делается вывод об «аккомодации *e* перед *w*». Однако никакие другие примеры не показывают изменения *e* перед *w*: ср. *derewcé*, *derewník* ‘боярышник’, gen. pl. *čeréw/čerew* ‘живот’, dim. *čerewkó*, adj. *čerewnóoj*, *lew* ‘лев’, *muraščewník* ‘тысячелистник’, *rew* ‘рѣв’, *rewta* ‘ревматизм’ и т. п. Отдельно стоит форма instr. sg. fem. личного местоимения 3-го л. *njejɔ — *nɫw*, в которой естественно видеть аналогию с формой мужского рода *njimь.

О том, что аккомодацию вызывают также сочетания согласных с *j*, т. е. *j* ведет себя как обычный мягкий согласный, свидетельствуют слитные сочетания *vɛr-Javɔrɔvɛs*’, отмеченное в Синевире еще у И. Панкевича (1938: 77), gen. *vɛr-Javɔrúwc ‘a*, и *vɛr-Jasɛnɔvɛs*’, gen. *vɛr-Jasɛnúwc ‘a* (топонимы, названия гор).

В сочетании /oj/ у всех информантов отмечается *ɔ* (перед таутосиллабическим *j*, а также /a/ и /o/ следующего слога²⁰): *vójna*, *ýjkatɪ* (‘кричать’), *jójkatɪ* (‘жалобно кричать’), *mója*, *tvója*, *svója*, *pójas*, *bojátu s ‘a*, *bojayús* (‘трус’), *dvójakooj*, *nastójáščooj*, *stojáča* (вода), *ynojánka* (‘навозная муха’), gen. *slója*, *rója*, *zbója* (пом. *zbiij* ‘утоптаный снег во дворе, чтобы можно было привезти и собрать сено’), *zvója* (пом. *zvüj* ‘штука ткани’), 3 pl. *dójat*, *pójat*, *ýjat* (‘лечить, заживлять’), *stójat*, *strójat*, *rójat s ‘a*, *usopokójat* (‘успокоить’), *prójat* (сало, муку на огне – ‘готовить соус’), *slójat* (‘класть слоями’); *vójovátɪ*, ins. *ólójom*, *ynojom*, *pokójom*, *zbójom*, лос. *ólójovɪ*, *rójovɪ*, *slójovɪ*, *zvójovɪ*, ins. pl.

¹⁹ У В. В. Цимбота [j] регулярно восстанавливается в пом. pl. основ м. р. на *-j*: *sló[j]i*, *zbó[j]i*, *zvó[j]i*.

²⁰ Позиции перед /jɪ/, /jü/ и /ju/ попадают в общий класс позиций перед /i/, /ü/ и /u/ следующего слога соответственно.

slójamt. Во всех этих словах В.В.Цимбота слышит «грубое» {ø}. Возможно, исключением у него является *bojovóǰ* ‘бойкий’, в котором он слышит «нормальное» *o*: {бойо-}.

Это правило, однако, не распространяется на глагольные приставки, по крайней мере *po-*: ср. *pojasáti* {пə-} – *pojavíti s'a*, *pojasníti*, *pojáčítí* (‘сделать ямки для посадки картофеля’) {по-}. Ср. также с предлогом *do*: *do jálǒvǒi*.

В тех же основах перед /e/ и /ɪ/ следующего слога, т. е. в условиях чередования /j/ ~ /ø/, произносятся нейтральные аллофоны: у В.В.Цимбота *dvóe*, *tróe*, *s'ilóe*, *malóe*, *staróe*, *čudóvǒe* (‘удивительное’), *čerlénǒe*; *doíti*, *yoíti*, *proíti*, imp. 2 sg. *zdoí*, 3 sg. *póit*, *dostóit* (‘долежит’), *stróit*, *próit*, prt. fem. *proíla*, pl. *roíli s'a*, ins. pl. *svóiml* и т. п. (везде {o}). Качественного материала от других информантов, к сожалению, мало. А. М. Бонкало: 3 pl. *stǒjǎt* – 3 sg. *stoít*; В. М. Мещанин: *mn'asnóe*. О. А. Иванина: *pǔsnóe* (‘постное’), *takóe*, *s'a-kóe*, также *dvóe*; А. С. Цимбота: *takóe*, *staróe*, *malóe* и т. п.

3.1.2. Элементы или следы похожего распределения по отношению к гласному следующего слога перед шипящими обнаруживаются у В. В. Цимбота в формах *i*-глаголов с корневым /o/: *voróšiti*, 3 sg. *voróšit*, 3 pl. *voróšat* (см. рис. 19, 20); *poróšiti*, 3 sg. *poróšit*, 3 pl. *poróšat*; *zabóžiti s'a*, 3 sg. *zabóžit s'a*, 3 pl. *zabóžat s'a* / *zabóžat s'a*; *namočiti*, 3 sg. *namočit*, 3 pl. *namočat*; *skóčiti*, prt. *skóčiw*, 3 sg. *skóčit*, 3 pl. *skóčat*; *pološiti s'a* (‘пугаться’), 3 pl. *pološat s'a*; *moróčiti*, 3 sg. *moróčit*, 3 pl. *moróčat*, — но *proróčiti*, *proróčit*, *proróčat*; *dorožiti*, 3 pl. *dorožat/dorožat*; *pomnožiti* (‘перелить, пересыпать через край и т. д.’), 3 pl. *pomnožat*, и *pomnožiti* (‘умножить (числа)’), 3 pl. *pomnožat/pomnožat*; *storóžiti*, 3 sg. *storóžit*, 3 pl. *storóžat/storóžat*; *voróžiti*, 3 sg. *voróžit*, 3 pl. *voróžat*. Ср. *koropčiti* (‘вырезывать, выдалбливать — ложку, корыто и т. д.’), 3 sg. *korópčit*, 3 pl. *korópčat*; *kórciti* (‘мять’), 3 sg. *kórcit*, 3 pl. *kórcat*; *izmórščiti*, 3 sg. *izmórščit*, 3 pl. *izmórščat*.

Можно заметить, что такое распределение *o* и *ǒ* перед шипящими, где оно есть, поддерживается здесь общей моделью спряжения *i*-глаголов, характерной для большинства основ, по типу *xodíti* – *xódit* – *xǒd'at*. В других морфологических условиях сужение /o/ перед шипящими не зафиксировано, ср. *nóša*, *kóža*, *móčar* ‘топкое болото’ и т. п. Не отмечено также сужения /e/ в *i*-глаголах с исходом основы на шипящий: ср. *superéčiti* ‘перечить’, 3 sg. *superéčit*, 3 pl. *superéčat* (таких глаголов, правда, крайне мало).

Аллофоны *ǒ* в формах 3 pl. глаголов с основой на шипящие воспринимаются В. В. Цимбота как более «слабые» по сравнению с *ǒ* в формах 1 sg.: *poróšǒsu* – *poróšat*; ударный гласный в последней форме описывается как «твердое *o*», но «лишь так немножко, не так сильно твердое, лишь так себе».

Материал, выявленный у других информантов, крайне скуден: *bóžat s'a* (А. М. Бонкало), но *bóžat s'a* (В. М. Мещанин)²¹.

3.2. Распределение аллофонов во втором предшествующем слоге (вокальная гармония) показано в табл. 00.

Табл. 10.

	_C ^(v) i		_(C)C'		_Cü		_Cu		_w	
I	I/I	I	I/I	I	I	I				
	i	e	i/I	e	I?	e/e				
	I/I	o	I	o	I/I	o				
e	e	I	e/e	I	e/e	I				
	e/e	e	e	e	e/e	e/e				
	e	o	e	o	e/e	o				
o	o	I	o/o	I	o	I				
	o/o	e	o	e	o/o	e/e				
	o/o	o	o	o	o	o	o	o	o/o	o

Примеры:

Фонема /ɪ/: *vílɪc'a* ('челюсть') – loc. *vílɪcɪ* – pl. *vílɪc'i/vílɪc'i*; *skrípɪc'i* pl. t. ('деталь ткацкого стана') – loc. *na skrípɪc'ax*; *díčíná* ('мясо дичи') – loc. *díčín'i* {дичини}; *šíríná* – loc. *šírín'i* {ширини}; *lísɪc'a* – loc. *lísɪcɪ*, dim. *lísɪcá* ('лисенок') – pl. *lísɪc'i*; *príbítɔj* – pl. *príbít'i* – dat.–loc. fem. *príbítij*; *prívítɔj* – pl. *prívít'i* {привіті}; *fídíwka* ('крышка кастрюли') – loc. *fídíwc'i* {фидівці}; *píwnɪc'a* – gen. *píwnɪc'i* – loc. *píwnɪcɪ*;

bítɪ, *bílɪ* – *bílɪn'* ('бьющая часть цепа'); *čolínec'* ('приспособление, надеваемое на морду теленка, не дающее ему сосать молоко у коровы') – loc. *na čolín'covɪ* / *na čolínɪcɪ*; *velíkɔj* – *Velígɔn'*; *učítɛl'ka* – gen. *učítɛl'c'i* – *učítɪ* – pl. *učítɛl'i* – gen. pl. *učítɛlú*;

velíkɔj – *Velíkɔdn'a*; *sírota* – dat.–loc. *sírɔt'i*; *nítóčka* – dat.–loc. *nítɔcc'i*; *šírókɔj* – pl. *šírók'i* – dat.–loc. fem. *šírókij*; *Nikólɔ* (осенний праздник) – loc. *po Níkól'ix* – gen. *Níkúl*.

²¹ Как уже сказано выше, энклитика *s'a* никогда не влияет на предыдущие гласные в тактовой группе; кроме того, гласный *a* никогда не «пропускает» вокальную гармонию (см. ниже, 3.5).

Фонема /e/: *térnɪc'a* – loc. *térnɪcɪ* – pl. *térnɪc'i*; *Perénɪs' / Perénɪs'*, loc. *na Perénɪzɪ* (топоним); *serdítɔɔj* – pl. *sɛrdít'i* – dat.–loc. sg. fem. *sɛrdítɪj/serdítɪj*; *tɛlɪc'a* – dat.–loc. *tɛlɪcɪ* – pl. *tɛlɪc'i*; *ščerbína* – loc. *ščɛrbɪn'i* {щи-}; *serstína* ('шерстинка') – loc. *sɛrstɪn'i*; *peréyoroda* ('затор на реке при лесосплаве') – *peréjślooɔj* ('устаревший, просроченный'); *peréitkoo* ('корм, не доеденный скотиной'); *fɛryéjst* ('часть упряжи');

čéres ('широкий пояс') – loc. *čɛrɛs'i*, gen. pl. *čɛrɛsü*; *bérex* ('высокий склон') – loc. *na bɛrɛz'i*; gen. *vécera* – adv. *uvɛčɛr'i* ('вечером'); *geléta* ('деревянный подойник') – loc. *u gɛlét'i* – dim. *gɛlét'a*; *veselóɔj* – dat. fem. *vɛsɛlɪj* {весе-}; gen. pl. *deréw* – coll. *dɛrɛwl'a* ('деревья'); *svéter* ('свитер') – loc. *na svétɛr'i* – gen. pl. *svétɛrú*;

gréyüt ('каменистое место в горах, сухой щебень') – gen. *gréyota* – loc. *gréyɔt'i*; *berezónɔɔj* – pl. *bɛrɛzón'i* – dat.–loc. fem. *bɛrɛzónvɪj*.

Фонема /o/: *močílo* ('яма для вымачивания льна, конопля') – loc. *mɔčɪl'i*; *bodlívɔɔj* – gen. fem. *bɔdlɪvɔjɪ* – dat.–loc. fem. *bɔdlɪvɪj* – pl. *bɔdlɪvi* {бодли-}; *rozbítɔɔj* – dat.–loc. fem. *rɔzbítɪj*, gen. *rɔzbítɔjɪ*, pl. *rɔzbít'i* {рэзби-}; *bloščíc'a* ('клоп') – pl. *bloščíc'i* – gen. pl. *bloščíc'*; *poślónɪc'a* – loc. *poślónɪcɪ* – pl. *poślónɪc'i*; *bólnɪc'a* (О. А. Иванина);

kóleso – loc. *kólɛs'i*; *izmórščenɔɔj* ('сморщенный') – pl. *izmórščɛn'i*; *póčesnoɔj* ('достойный, честный') – pl. *póčɛs'n'i* {пэчи-}; *blóder* ('духовка') – loc. *blóder'i*; gen. *stolá* – *stólɛc'* ('стул'); *slopéc'* (О. А. Иванина);

poros'a – 3 sg. *porosít s'a*; *ɣorodítɪ* – 1 sg. *ɣoróžu*, 3 pl. *ɣoród'at*; *ɣolová* – ins. *ɣolovɔw*, loc. *pó ɣolovɪ*; *borodá* – acc. *bórɔdu*, ins. *bɔrɔdɔw*; *pośtójatɪ*, *dɔstójatɪ* – 3 sg. *postóit*, *dostóit*; *dodoítɪ* – 1 sg. *dɔdóju*.

3.3. Системные нарушения приведенного распределения связаны с особыми свойствами отдельных морфем.

Адъективное окончание gen. sg. fem. *-ɔj* часто не вызывает должного повышения предшествующего /e/: *zelénɔɔj* – *zelénɔj/zelénɔj* {зеле-}, *studénɔɔj* – *studénɔj* {-де-}, *séma* ('седьмая') – *sémɔj* и т. п., но *veselóɔj* – *vɛsɛlɔj/vɛsɛlɔj*, *ščerbá* ('шербатая') – *ščɛrbɔj*. Ср. *berezónɔɔj* – pl. *bɛrɛzón'i*, gen. fem. *bɛrɛzónvɔj*; *ternónɔɔj* – pl. *tɛrnón'i*; *gréyüt* ('каменистое место в горах, сухой щебень'), gen. *gréyota* – loc. *gréyɔt'i*; *bodlívɔɔj* – gen. fem. *bɔdlɪvɔjɪ*; gen. masc. *rozbítɔɔj* – fem. *rɔzbítɔjɪ*. Отсутствие изменения *e* перед окончанием /-ɔj/ отмечено и в Убле О. Брокком и О. Лешкой и приводится ими как пример неводействия $\hat{o}$ на *e* (Брок 1899: 48; Лешка 1973: 58).

Вне действия правил аккомодации и вокальной гармонии могут оставаться безударные предлоги и приставки. Выше (3.1.1) уже говорилось о неизме-

нении гласного в глагольной приставке *po-* в позиции перед *j*. Напротив, в аллегривой речи эта приставка может произноситься с повышенным аллофоном независимо от фонетического контекста: *pobíł/p[ɔ]bíł*, *pokróta/p[ɔ]-króta* и т. п. Об особом поведении *po-* в говоре Убли см. (Лешка 1973: 49).

Вне действия вокальной гармонии может оставаться приставка *pere-* (как под ударением, так и в безударном положении), по крайней мере в младшей норме говора: *peréjšłoj/peréjšłoj*; *peręs 'ijali/peręs 'ijali*; *peręs 'istri* {пири-}, *peręs 'iw*, *peręs 'ila* {пере-}.

Примеры с предлогами показывают еще большую свободу от действий правил вокальной гармонии: у В. В. Цимбота *dɔ d'iwkoo*, но *dɔ r'ikoo / do r'ikoo* {до}; *bes kɔn'á – bes kobółoo*, *bęš čęł'adɪ / bęš čęł'adɪ* 'без людей' – *bęš čęperęwo* 'без раздвоения ствола у дерева' (во всех случаях {бес}).

Приставка **ne-* под ударением у старшего поколения произносится как [nɪ] независимо от позиций аккомодации и вокальной гармонии: *níboł'*, gen. *níbołɪ*; *níčis'c'* ('земноводные и пресмыкающиеся'), gen. *níčistɪ*; *nítrut* и *nítrudęn'* ('лентяй, бездельник')²². У младшего поколения наблюдается колебание между произношением старого типа и «стандартным» произношением и поведением приставки *ne-* под ударением: *némüč* ('немочь'), gen. *némoc̣ɪ*; *nęčis'c' / nęčis'c'*, gen. *nęčistɪ*, но loc. *nęčistɪ* (*níčistɪ*) у В. В. Цимбота. Частица **ne* в безударном положении всегда произносится как [nɪ]: *nɪ móš* 'нельзя', *nɪ bółoo* 'не было' и т. п. Под ударением (в противопоставительных конструкциях, а также в качестве отрицания 'нет') она образует самостоятельное фонетическое слово и имеет вид [ne]: *Tó dęz' dawnó bółoo*, *né tępęɪr'* (А. С. Цимбота).

3.4. Распределение аллофоном гласных в дальнейших предшествующих слогах нуждается в дополнительном исследовании. При одинаковых гласных поддерживается вокальная гармония: напр., gen. *kółokola* – loc. *kółokól'i*; *ɣolová* – loc. *pó ɣólɔvi*; *sélemeno* ('стропила') – loc. *séłemęn'i*; *poloniná* – loc. *pólɔnɪn'i*; *Merešúr* (название села) – loc. *Męřęšóɪ'i*, ins. *Merešórom*; dat. *odovícɪ* ('вдова') – pl. *odovíc'i*; *pórosnɪc'a/pórosnɪc'a* ('свиноматка') – loc. *pórosnɪcɪ* – pl. *pórosnɪc'i*, *metéłk* ('бабочка') – gen. pl. *metéłkũ*. Другие примеры:

²² В безударном положении эта приставка, как правило, также произносится как [nɪ] независимо от фонетического контекста: *n[ɪ]újɔoj* ('некрасивый'), *n[ɪ]dostýłoj* ('незрелый') и т. п.; ср. мараморшский говор села Сокирница Хустского р-на, где «фонема /e/ в ненаголошенных частях та префиксі *ne* в будь-якій позиції... реалізується в звукови [ɪ]» (Сабодош 2008: 5); таким образом, по-видимому, в старшей норме говора приставка имеет вид /nɪ/.

Второе возможное решение — трактовать [ɪ] в старшей норме как *ɛ*, т. е. аллофон фонемы /e/, и рассматривать такое произношение как эмфатическое. В пользу этого решения говорит повышенная напряженность ударного гласного.

póvelikooj ('великоватый') – dat. fem. *póvelikij*, pl. *póvelik'i*; *óželēt'* ('гололед — на деревьях и т. д. '), gen. *óželedi/óželēd'i*; *verxóvīnec'* – *verxóvīnka* ('жители Верховины'); *čolīnec'* – loc. *na čolīn'covī / na čolīncī*. У А. М. Бонкало: *voro-béc'* (-[í]c'), но *odovéc'* (-[é]c').

Неясно также, насколько распределение аллофоном в дальнейших слогах зависит от акцентных условий.

3.5. Вопрос об участии в вокальной гармонии других гласных до конца не исследован. Очевидно, что в «палатализованных» (по О. Броку) слогах, в позиции перед /^hi/ следующего слога произносятся «палатализованные» аллофоны гласных /a/, /o/, /u/, но вопрос в том, оказывают ли они воздействие на гласные предшествующего слога. Для /a/ у нас нет примеров такого воздействия, ср. *lopáta* 'совковая лопата' – асс. *lopátu* – loc. *lopát'i*. Примеры для /u/: *mnúta*, *mnútká* – loc. *mnút'i*, *mnúcc'i*, но *selepúya* 'опилки' – loc. *selepúz'i*. Примеры для /o/: *koróto* – loc. *koróot'i*, *koróto* – loc. *koróot'i*, *sokóora* ('топор') – loc. *sokóor'i* (ср. аналогичные примеры, отмеченные в Убле О. Брокком: *korýto*, *korýto* – loc. *kôrýt'i*, *kôrýt'i* — Брок 1899: 48).

4. Как отмечено выше, принципиальное устройство синевирской системы аккомодации и вокальной гармонии сходно с лемковскими системами. Вокальная гармония действует в пределах слогов с включенными в «систему сужения» гласными — «палатальное» сужение в пределах /o/, /e/, /ɪ/, «лабиальное» — только в пределах *o*; слоги с иными гласными «не пропускают» гармонию дальше к началу слова. Очевидно также, что существуют более сильные и более слабые факторы, влияющие на сужение гласных: из «палатальных» таким фактором является контекст $\_C^{(o)}$, в котором /ɪ/ повышается до *ɪ*, из «лабиальных» — контекст $\_Cu$, всегда вызывающий *o* во втором предшествующем слоге. (Выше в таблицах распределения аллофонов гласных порядок столбцов соответствует «силе» факторов, влияющих на сужение гласных.) Существенное отличие синевирской системы от лемковских (по описанию О. Лешки) — участие /ɪ/ в вокальной гармонии, т. е. релевантность контекстов $\_Cɪ$, $\_Cɪ$ для предшествующих гласных. Несколько более четкой в Синевире выглядит картина перед /j/. С другой стороны, для синевирского говора нерелевантен контекст $\_Cj$; зависимость от акцентных условий проявляется только в повышенном качестве безударного *o*, а не в распределении аллофонов, как в говоре Убли.

Аккомодация и гармония гласных в синевирском говоре требует дальнейшего изучения — прежде всего недостаточно исследованной старшей нормы произношения, а также поведения гласных /u/ и /o/, фонемного статуса шипящих согласных, поведения гласных в отдаленных слогах.

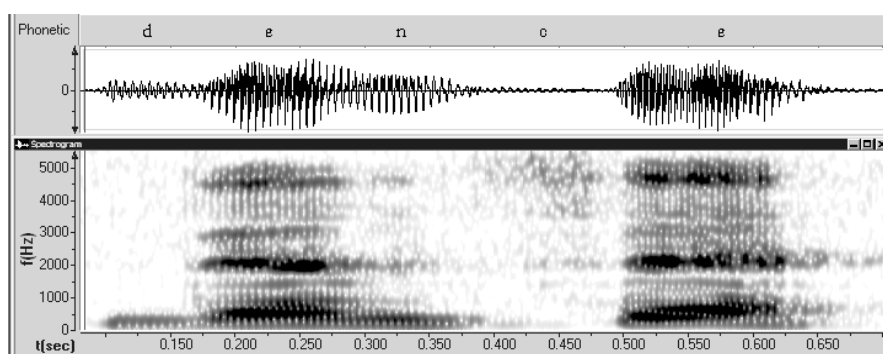

Рис. 1. Произношение слова *dencé*: $d[\epsilon]nc[\acute{e}]$ (А. М. Бонкало)

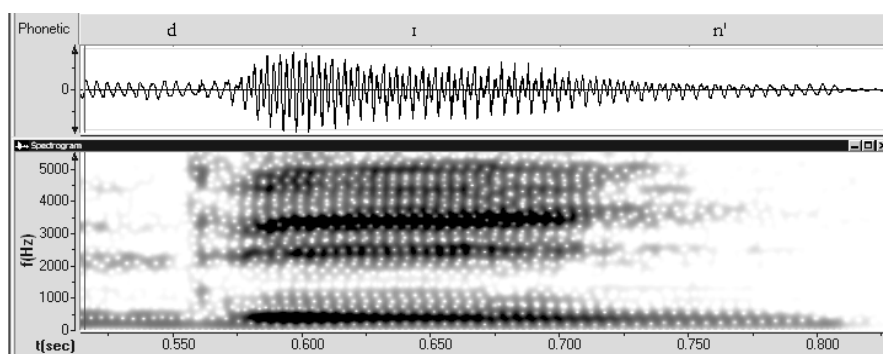

Рис. 2. Произношение слова *den*: $d[i]n'$ (А. М. Бонкало)

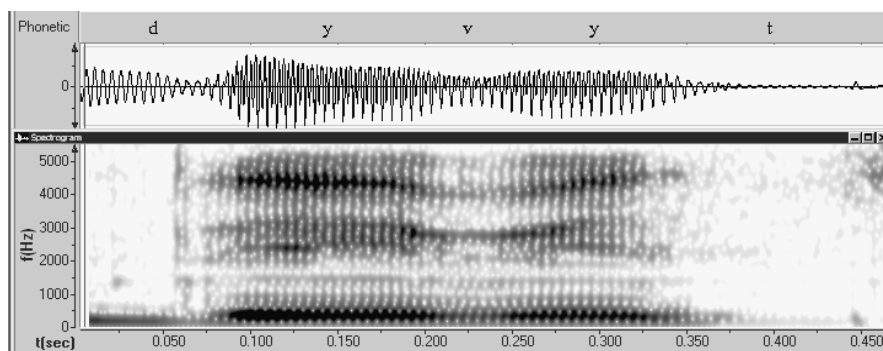

Рис. 3. Произношение слова *divit* (*s'a*): $d[y]v[y]t$ (А. М. Бонкало)

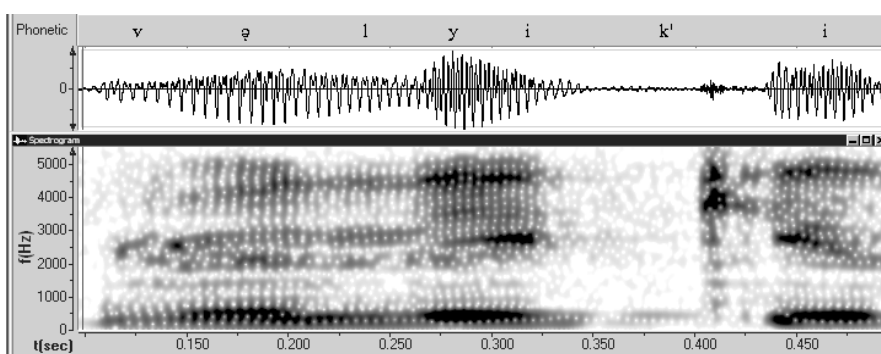

Рис. 4. Произношение слова *vel'ik'i*: $v[\tau]/[y]$ $k'[\acute{i}]$ (А. М. Бонкало)

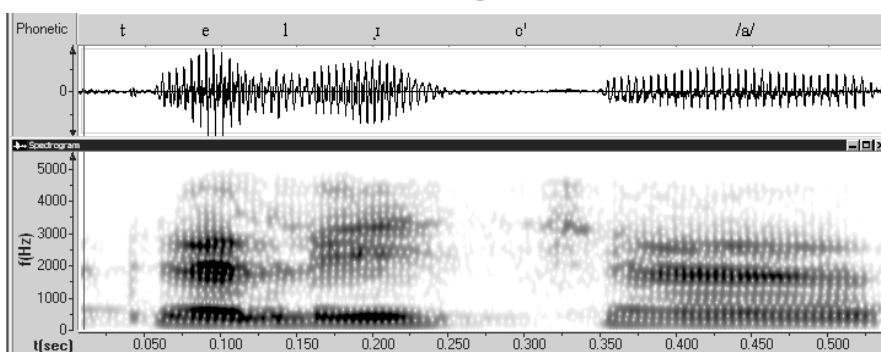

Рис. 5. Произношение слова *tel'ic'a*: $t[e]/[i]$ $c'a$ (А. С. Цимбота)

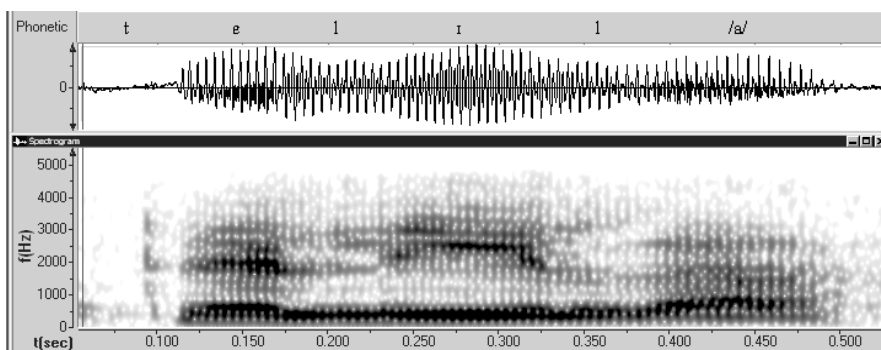

Рис. 6. Произношение слова *tel'ila*: $t[\epsilon]/[i]$ la (А. С. Цимбота)

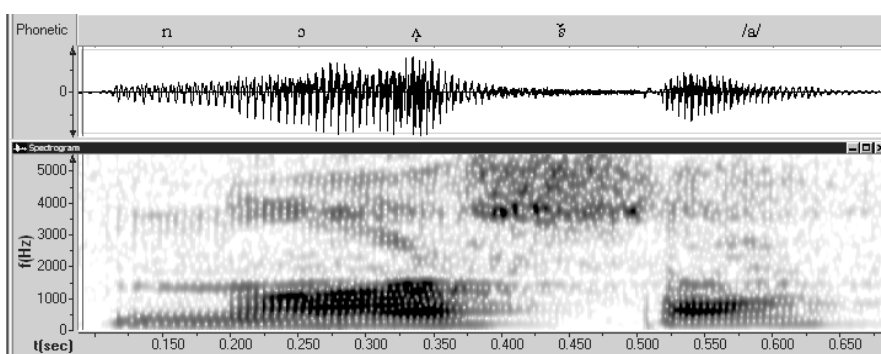

Рис. 7. Произношение слова *nóša*: $n[\widehat{\delta\lambda}]ša$ (А. М. Бонкало)

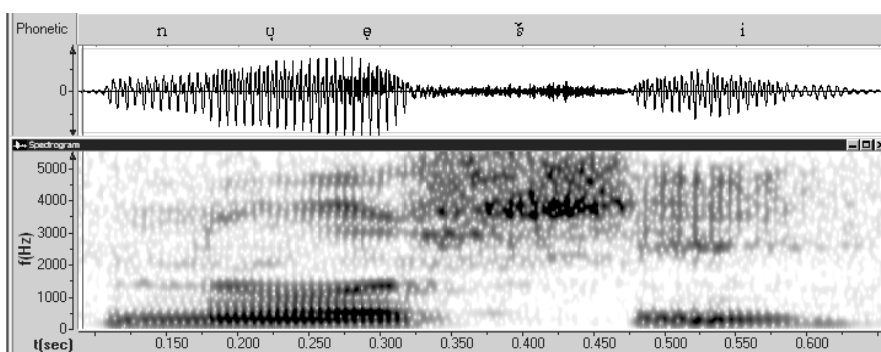

Рис. 8. Произношение слова *nóši*: $n[\widehat{\theta\delta}]ši$ (А. М. Бонкало)

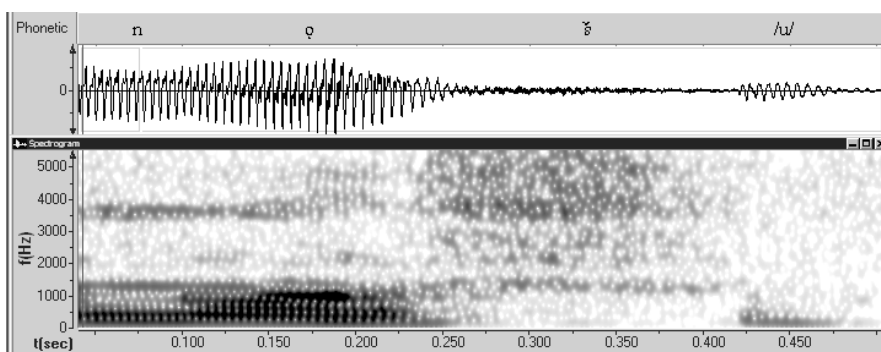

Рис. 9. Произношение слова *nóšu*: $n[\widehat{\theta}]šu$ (А. М. Бонкало)

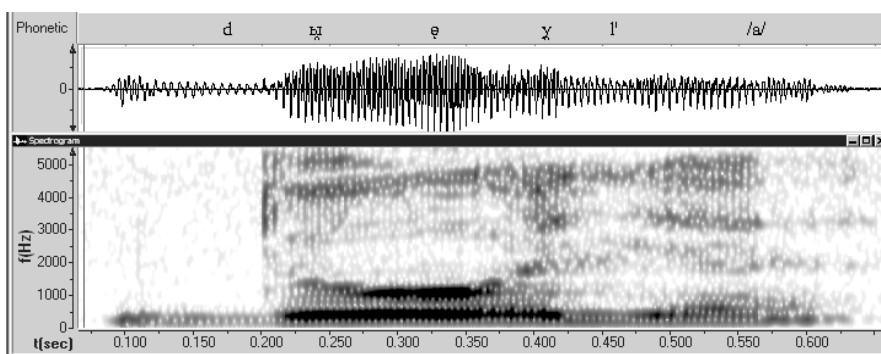

Рис. 10. Произношение слова *d[ǫ]l'a*: *d[ǫ]l'a* (А. М. Бонкало)

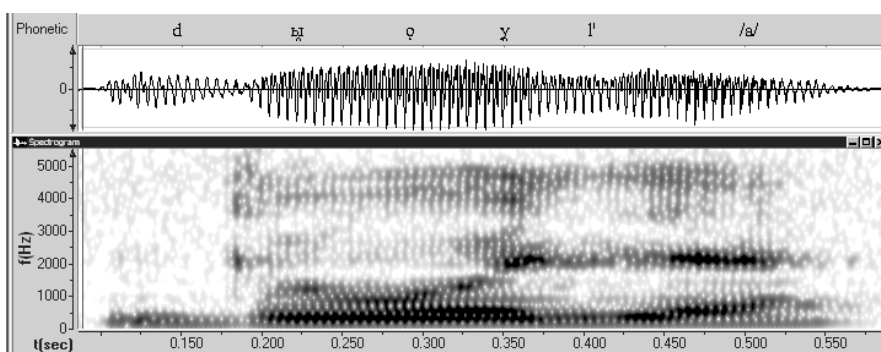

Рис. 11. Произношение слова *d[ǫ]l'a*: *d[ǫ]l'a* (А. М. Бонкало)

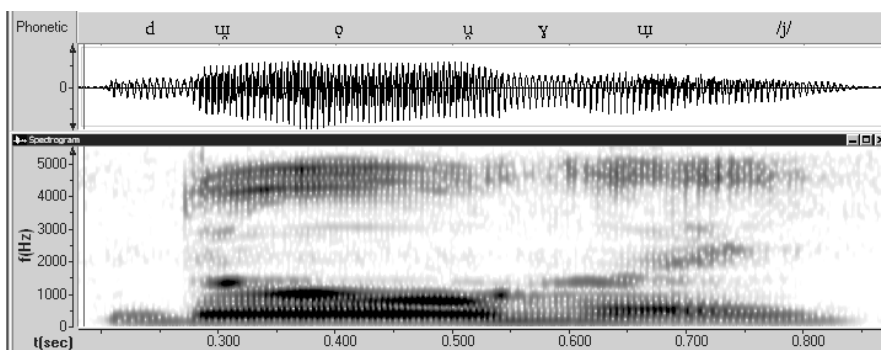

Рис. 12. Произношение слова *d[ǫ]wɔɔj*: *d[ǫ]wɔɔj* (А. М. Бонкало)

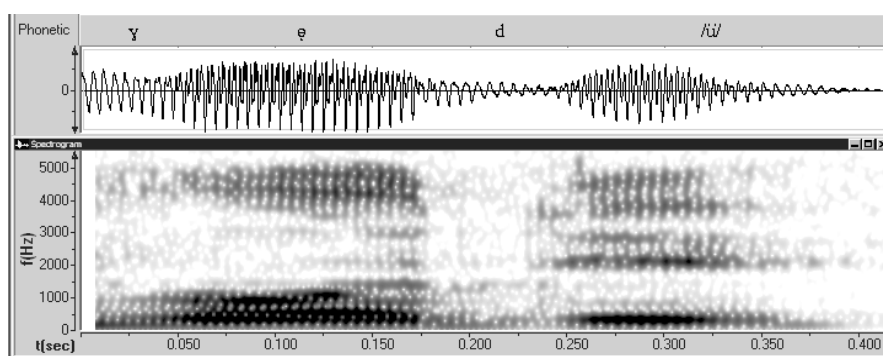

Рис. 13. Произношение слова $\gamma\acute{o}\delta\acute{i}$ (gen. pl.): $\gamma[\acute{o}\bar{\iota}]d\acute{u}$ (А. М. Бонкало)

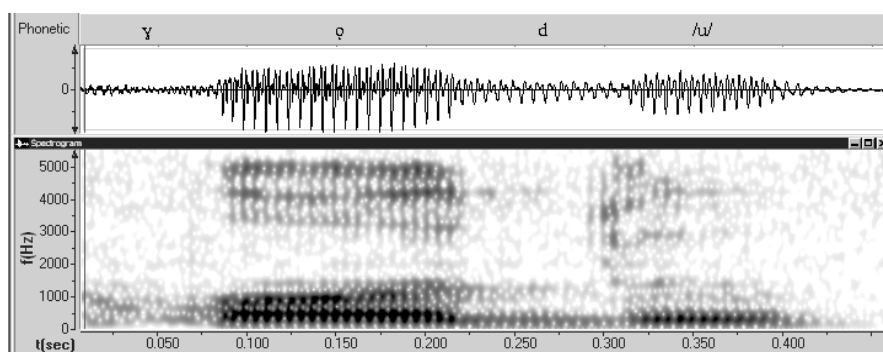

Рис. 14. Произношение слова $\gamma\acute{o}\delta\acute{u}$ (gen. sg.): $\gamma[\acute{o}\bar{\iota}]d\acute{u}$ (А. М. Бонкало)

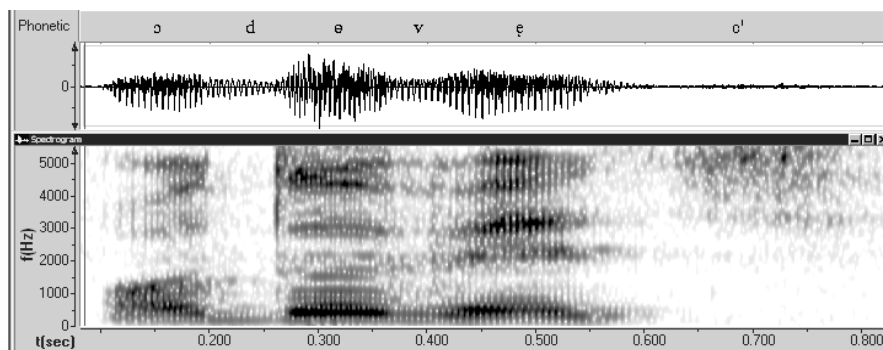

Рис. 15. Произношение слова $\acute{o}\delta\eta\acute{\epsilon}\varsigma$: $[\acute{ə}]d[\acute{ə}]v[\acute{e}]c'$ (А. М. Бонкало)

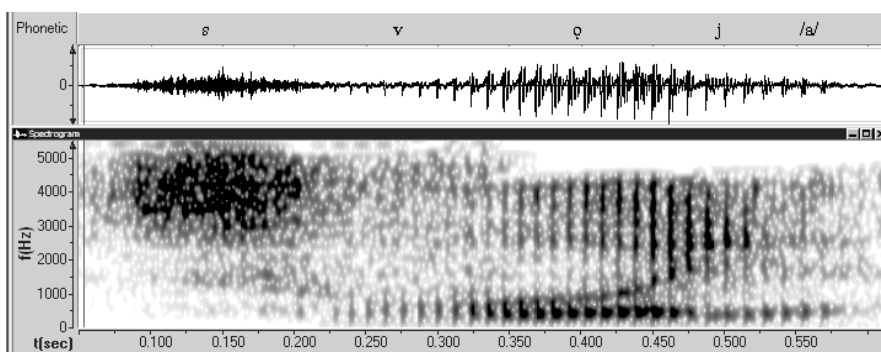

Рис. 16. Произношение слова *svója*: *sv[ǫ]ja* (В. В. Цимбота)

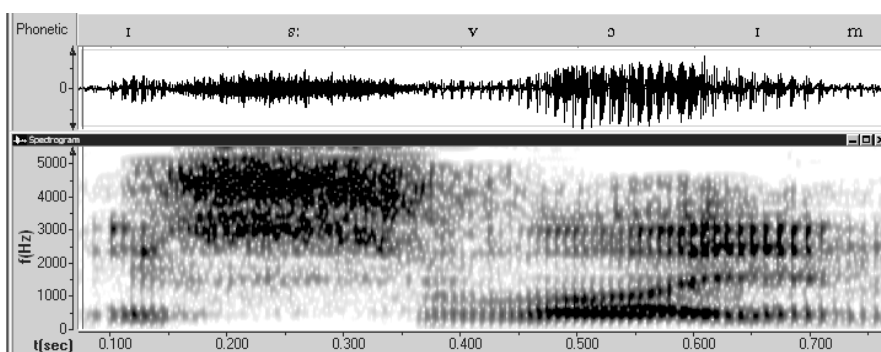

Рис. 17. Произношение слова *ts svóim*: *ts ssv[ǫ]im* (В. В. Цимбота)

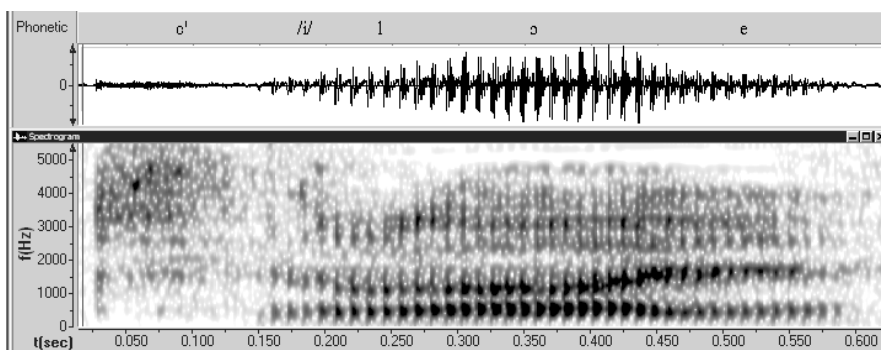

Рис. 18. Произношение слова *c'ilóje*: *c'il[ǫ]e* (В. В. Цимбота)

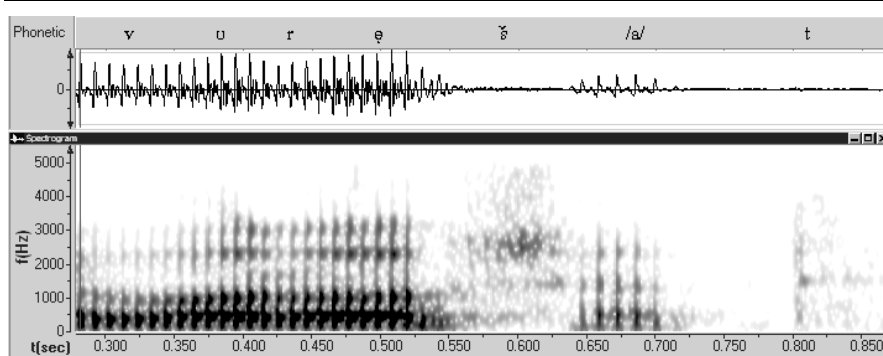

Рис. 19. Произношение слова *voróšat* (3 pl.): $v[\check{o}]r[\acute{s}]šat$ (В. В. Цимбота)

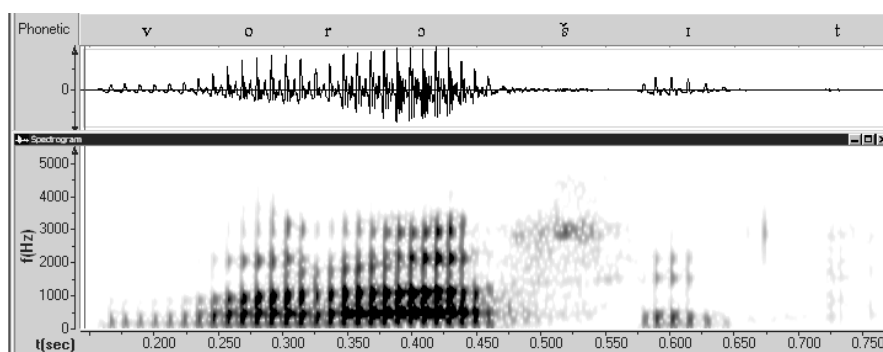

Рис. 20. Произношение слова *voróšit* (3 sg.): $v[o]r[\acute{s}]šit$ (В. В. Цимбота)

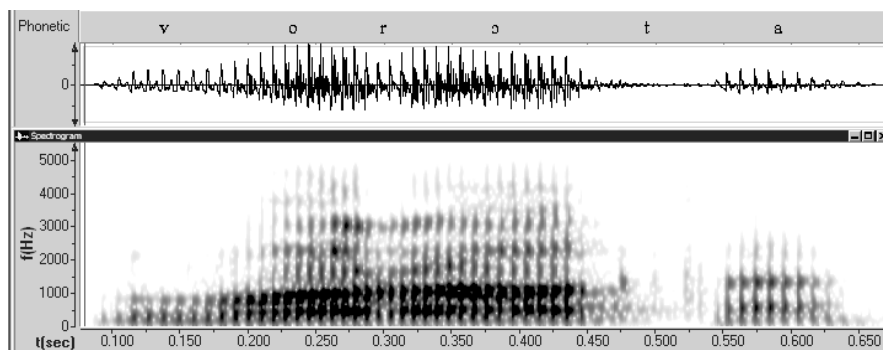

Рис. 21. Произношение слова *voróta*: $v[o]r[\acute{s}]ta$ (В. В. Цимбота)

Литература

- АУМ 2 — Атлас української мови. Т. 2. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі. Київ, 1988.
- Брок 1899 — *Брох О.* Угросское наречие села Убли (Земплинского комитата). СПб., 1899.
- Бушкевич, Николаев, Толстая 1994 — *Бушкевич С.П., Николаев С.Л., Толстая С.М.* Этнолингвистические экспедиции в Украинские Карпаты // *Славяноведение*, 1994, № 3.
- ЛАЗО III — *Дзендзелівський Й.О.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області України (Лексика). Ч. III. Ужгород, 1993.
- Лешка 1973 — *Leška O.* Govor sela Ublja vostočnoj Slovakii. Etjudy po ukrainskoj dialektologii 1. Praha, 1973.
- Лешка, Шішкова, Мушинка 1998 — *Лешка О., Шішкова Р., Мушинка М.* Розповіді з Підкарпаття. Українські говірки Східної Словаччини. Нью-Йорк—Прага—Київ, 1998.
- Николаев 2006 — *Николаев С.Л.* Заметки о вокализме закарпатского говора с. Синевир // *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 380–383.
- Панькевич 1938 — *Панькевич И.* Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Ч. 1. Звучня і морфологія. Прага, 1938.
- Сабадош 2008 — *Сабадош І.В.* Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району. Ужгород, 2008.
- Толстая 2002 — *Толстая М.Н.* Опыт составления толкового словаря говора // *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002.

Summary

Positions of accomodation and vocal harmony in Transcarpathian Sinevir dialect

The article deals with positons of raising of vowels *e*, *o* and *ɪ* for the space of word according to next palatal and labial conditions in Transcarpathian Sinevir dialect. The dialect data was recorded during expeditions in 1993–2009.